

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сапан Илья Евгеньевич

**Современный политический активизм:
системно-коммуникативный подход**

5.7.7. Социальная и политическая философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2024

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Научный руководитель:

Антоновский Александр Юрьевич, доктор философских наук

Официальные оппоненты:

Ивахненко Евгений Николаевич, доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», философский факультет, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов;

Павлов Александр Владимирович, доктор философских наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук;

Шмерлина Ирина Анатольевна, кандидат философских наук, профессор Институт социологии — обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки.

Защита диссертации состоится «5» июня 2024 года в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А – 518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/2924>

Автореферат разослан «__» _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Е.В. Брызгалина

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования политического активизма обусловлена, прежде всего, тем фактом, что за последнее десятилетие в разных странах наблюдается интенсификация активности новых социальных и политических движений. Одной из ведущих тем на повестке дня предстаёт уровень социальной напряженности как определенного показателя благосостояния государства, что, в свою очередь, неразрывно связано с уровнем политической активности его граждан. Граждане-активисты привлекают к себе значительное внимание представителей экспертного сообщества и СМИ, в силу чего политический активизм нередко демонстрирует свою способность оказывать влияние на принятие решений со стороны политического истеблишмента. Подобные факты, безусловно, влекут за собой весьма ощутимые общественные последствия. На этом основании мы можем утверждать, что современный политический активизм, его различные формы и методы самореализации предстают исключительно актуальным интересом и даже особым вызовом для исследователей в области социально-философской проблематики.

Сегодня мы наблюдаем масштабные потрясения и кризисы, которые были спровоцированы глобальным политическим и экономическим противостоянием ряда отдельных государств и международных объединений, локальными войнами, а также угрозами, которые исходят от экстремистки настроенных группировок. К вышеозначенному стоит добавить факт мировой пандемии, унесшей жизни огромного количества человек по всему миру. Немаловажную роль в поддержании подобной напряженности играет и экологическая повестка, которая смогла занять видное место среди комплекса проблем, требующих от ведущих мировых держав своевременных и компетентных решений. Всё это и многое другое вынуждает массы людей принимать меры и строить планы на будущее в условиях колоссальной нестабильности разных сфер общественной

жизни. Одной из подобных мер является процесс конвертации массового недовольства, страхов и опасений в выражение протеста, реализуемого благодаря активности социальных движений. Исследование политического активизма и социальных движений в качестве сил, его выражающих, открывают нам возможность понять ключевые факторы, которые отвечают за успех или провал подобных социальных практик, их актуальных и потенциальных возможностей, а также долгосрочную устойчивость в вопросах влияния на политические структуры и формирования общественных норм.

Другая причина, благодаря которой мы усматриваем важность и актуальность исследования политического активизма, заключается в том, что сегодня активно меняется сама динамика и способы политического участия. Мы становимся свидетелями различных форм вовлеченности в подобные практики, где не последнюю роль сыграли достижения в области технологической сферы и цифровизации. Возникновение онлайн-платформ и социальных сетей, цифровых инструментов в целом, дают нам право утверждать, что методы и способы, какими люди мобилизуются, объединяются в группы и отстаивают свои убеждения, является достаточно новым явлением, требующим к себе повышенного внимания со стороны исследовательского сообщества. Наряду с этим стоит отметить, что исследование политического активизма имплицитно содержит в себе изучение потенциальных рисков, связанных с определенной тактикой самореализации социальных движений, а также непреднамеренных последствий, которые могут возникнуть в результате подобной деятельности. На наш взгляд, данная проблематика демонстрирует также свою актуальность.

Таким образом, мы могли бы сказать, что научные исследования современного политического активизма необходимы, поскольку они помогают нам понять меняющийся ландшафт политического участия, проанализировать влияние активизма на результаты политических, культурных и социальных трансформаций, оценить эффективность различных стратегий активистских

движений, а также дать оценку непреднамеренным последствиям протестной активности.

Степень научной разработанности проблемы. Классиками обществоведческого знания было произведено немало исследований в области проблематики протестной политической мобилизации. Это послужило причиной возникновения ряда методологических и концептуальных основ для возможности дальнейшего изучения данной темы с оглядкой на современность.

Отметим, что уже в XIX веке возникают влиятельные социологические и философские учения, чьи авторы внесли существенный вклад в понимание революций, политического насилия и политической активности. Можно упомянуть работы А. де Токвиля, В. Парето, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Грамши, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, П. Сорокина, Г. Лебона, Ч. Эллвуда, Б. Адамса¹.

Во второй половине XX века возникает особый исследовательский интерес к социальным движениям и протестной мобилизации. Появляются теории, которые ищут новые причины социальной напряженности и протестного поведения. В данном случае мы можем указать на теории относительной депривации (Дж. Дэвис, У. Рэнсимен, С. Стоуфер, Т. Гарр, Дж. Урри, Ш. Джонсон, Э. Хоффер²), теории коллективного действия (Д. Макадам,

¹ Adams B. Coercion and Consensus Theories: Some Unresolved Issues // Curtis J., Petras J. (Eds). The Sociology of Knowledge. London: Gerald Duckworth, 1970; де Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008; Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011; Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957; Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат, 1960; Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3 / Пер. с ит. И.Я. Бондарчука. М.: 1959; Ленин В.И. Государство и революция. М.: Издательство АСТ, 2020; Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. / общ.ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 1. М.: Терра, 1997; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ.ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.; Политиздат, 1992; Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011; Ellwood C. A. Sociology in Its Psychological Aspects. N.Y.: General Books, 2012.

² Hoffer E. The ordeal of change. N.Y., 1964; Davies J. When men revolt and why. N.Y., 1970; Runciman W. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in

Э. Обершаль, Ч. Тилли, С. Тарроу, М. Олсон³), а также более поздние теории отдельных исследователей в рамках парадигмы «новых социальных движений» (А. Мелуччи, М. Кастельс, Ю. Хабермас, А. Турен⁴).

Особое место занимают работы таких авторов как Н. Луман, Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, Г. М. Маклюэн, Д. Белл, Э. Гидденс⁵, внесших существенный вклад в изучение коммуникативных процессов в постиндустриальном обществе и обществе в целом. Среди отечественных учёных, исследующих масштабные проблемы функционирования современного общества (в т.ч. и российского), стратегии его осмысления в условиях модернизации и трансформации, мы можем выделить имена К.Х. Момджяна, Е.Н. Ивахненко, В.Н. Шевченко, В.С. Левицкого.⁶

Проблеме взаимосвязи массмедиа и общественного мнения, моральной ответственности в публичной сфере уделяли внимание такие видные исследователи как У. Липпман, Н. Хомский, С. Холл, Н. Постман, Р. Патнэм,

twentieth century England. L., 1972, Stouffer S., Suchman E. et al. The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949; Gurr T.R. Why men rebel. Princeton, 1970; Urry J. Reference groups and the theory of revolution. Lancaster, 1973; Johnson C. Revolutionary change. Boston, 1966.

³ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995, McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930-1970. Chicago. 1982, Oberschall A. Empirische Sozialforschung in Deutschland 1848-1914. Freiburg: Alber, 1998; Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading. 1978, Tarrow S. Struggling to Reform: Social Movement and Policy Change during Cycles of Protest. Western Society Paper 15. Ithaca. 1983.

⁴ Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements // Sociological Research. 1985. Vol. 52. № 4; Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge. 1996; Castells M. The Network Society. A Cross-cultural Perspective. Northampton. 2004; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1-2. Boston, 1987.

⁵ Гидденс Э. Социология М, 1999; Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt. 1998; Фукуяма Ф. Доверие М, 2004; Тоффлер Э. Метаморфозы власти М. 2003, Маклюэн Г. М. Понимание медиа Внешние расширения человека М, 2003; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество М., 1999.

⁶ Ивахненко Е.Н. Аутопойезис массмедийного конструирования будущего // Информационное общество, № 4, с. 70-75.; Ивахненко Е.Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество, № 1, с. 34-41.; Момджян К.Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии, издательство ФГБУ "Издательство "Наука" (Москва), № 4, с. 18-28.; Резник Ю.М., Шевченко В.Н. Цивилизационный проект для современной России и отечественная социальная философия // Личность. Культура. Общество, том 22, № 1-2 (105-106), с. 279-291.

Ш. Айенгар.⁷ В российской академической среде в контексте исследования данной темы известны имена А.В. Разина, В.П. Казарян, С.В. Девятовой, Е. П. Прохорова, Л. Н. Федотовой, Я. Н. Засурского, В.А. Сидорова, Л. Г. Свитич, М. В. Шкондина, А. А. Грабельникова.⁸

Тема публичности и политической власти рассматривалась в работах М. Фуко, Х. Арндт, Р. А. Даль, М. Шадсона, Н. Фрезер.⁹ В свою очередь, исследование цифрового активизма можно встретить у таких авторов, как У. Лэнс Беннет, А. Сегерберг, Дж. Ирл, К. Кимпорт, П. Гербаудо, Джеффри С. Джурис, Б.Д. Лоадер, Д. Мерцеа, З. Туфекчи, К. Фухс.¹⁰ Среди отечественных

⁷ Уолтер Л. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.:Институтфонда «Общественноемнение», 2004; Chomsky N., Edward S. H. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988; Hall S. et al. «Encoding and Decoding in the Television Discourse». Centre for Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1973; Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Penguin Books, 1985; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000; Iyengar S. Is Anyone Responsible?: How Television Frames Political Issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

⁸ Разин А.В. Специфика моральной ответственности в публичной сфере (Круглый стол: «свобода и ответственность») // Государство и право, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук (Москва), № 3, с. 109-110.; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М., 2001; Федотова Л. Н. Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления. М.: 1996; Засурский Я. Н. Профессия журналист - вызовы XXI века. М., 2007; Сидоров В. А. Политическая культура средств массовой информации. - М., 1994;Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М., 2000; Шкондин М. В. Система средств массовой информации (Основы организации и характер структурной трансформации в условиях реформирования общества). М.: 2000; Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. М., 2000.; Девятова С.В., Казарян В.П. Этика ответственности в парадигме цифровой культуры // Научный альманах, издательство ООО Консалтинговая компания Юком (Тамбов), № 2-1(76), с. 96-99.; Девятова С.В., Казарян В.П. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе // Социально-политические науки, издательство Юр-ВАК (М.), № 1, с. 84-90.

⁹ Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971; Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1979; Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958; Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. New York: Free Press, 1998; Fraser N. «Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy». Social Text, №.25/26, 1990.

¹⁰Bennett, W. Lance, Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; Earl J., Kimport K. Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age. Cambridge, MA: MIT Press, 2011; Gerbaudo, Paolo. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism.

исследователей, которые рассматривают проблему социальных медиа и интернет-технологий в рамках протестной мобилизации, можно выделить таких авторов как А.Ю. Антоновского, Р. Э. Бараш, И. А. Халий, С. Грина, Д. Радченко, Д. Писаревскую, П.О. Ермолаеву, Ю.В. Ермолаеву, О.А. Башеву, И. Ксенофонтову.¹¹

Цель работы заключается в том, чтобы с опорой на концептуальные достижения системно-коммуникативной теории Н. Лумана исследовать феномен современного политического активизма, который наиболее явно реализуется в форме публичных, общественно-политических практик новых социальных движений (New Social Movements, NSMs).

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1. Выявление ключевых теоретических и методологических элементов системно-коммуникативного подхода, его сильных и слабых сторон в попытке описания актуальной социальной реальности;

2. Обоснование использования социальной теории Н. Лумана в качестве релевантного концептуального аппарата для анализа разнообразных форм современного политического активизма;

London: Pluto Press, 2012; Juris J. S. Networking Futures: The Movements Against Corporate Globalization. Durham: Duke University Press, 2008.; Loader Brian D., Mercea D. «Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics». Information, Communication & Society, Vol. 14, №. 6, 2011; Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press, 2017; von Fuchs C. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2006. Vol. 19, № 1.

¹¹ Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети и мобилизация. Рабочие материалы ЦИИО. М.: Российская школа экономики. Центр изучения Интернета и общества, 2012 ; Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтова И. Логика виртуального протеста; неделя после выборов-2011 // Антропологический форум, 2012, №16.; Ксенофонтова И. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения, 2012, Т.109. № 3; Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения, 2012, Т.109. №3; 3. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9.; Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения / Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3.

3. Экспликация прикладного и эвристического потенциала системно-коммуникативного подхода, а также поиск исследовательских границ заявленной методологии;

4. Выделение фундаментальных детерминант современного политического активизма в контексте анализа взаимосвязи и взаимозависимости таких явлений как общественное мнение, публичность, массмедиа, протест и риск, их роли в практике новых социальных движений;

5. Рассмотрение современного политического активизма и его качественно новых форм в условиях современности, отличающейся мощным развитием интернет-технологий и цифровой индустрии;

6. Выявление форм и методов влияния цифрового активизма на степень вовлечения масс в протестную деятельность, а также анализ возможностей современных социальных движений поставлять свои достижения и продукты в распоряжение традиционных гранд-систем (политики, искусства, образования, и т.д.).

Объектом исследования является феномен политического активизма в современном обществе. В качестве **предмета исследования** выступает протестная коммуникация в концептуальных схемах системно-коммуникативной теории.

Рабочая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что с опорой на системно-коммуникативный подход можно рассматривать новые социальные движения как отдельную, автономную, аутопоэтичную коммуникативную систему, обладающую собственным бинарным коммуникативным кодом («защищенный / пораженный») и символически генерализованным медиумом (привилегированность). Подобное предположение при дальнейшей рефлексии позволяет идентифицировать социальные движения как уникальную социальную систему, соразмерную другим, уже традиционным гранд-системам.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Выявлены и обобщены прикладные аспекты системно-коммуникативного подхода (моделирование и интерпретация социальных процессов, социально-философская экспертиза, ориентация и фокусировка на коммуникативном аспекте современного общества, прогнозирование конфликтогенных процессов в социуме), а также выполнена их авторская систематизация;

2. Обозначен эвристический потенциал системно-коммуникативного подхода в деле исследования современного политического активизма, который заключается, во-первых, в особой концептуальной ориентации, исключающей зависимость от терминологии психологии (сознания, индивидуального действия), что позволяет на качественно новом уровне изучать социальные явления, и во-вторых, в самом языке теории, обладающим высоким уровнем абстракции и генерализации, что позволяет осуществлять комплексный доступ к разнородным объектам социально-философского анализа;

3. Определены структурные детерминанты современного политического активизма с опорой на системно-коммуникативный подход, к числу которых относятся общественное мнение, протест, а также феномены риска и неопределенности, как определяющих факторов политического активизма;

4. Разработана концептуальная модель протестной активности, в рамках которой обозначено сопряжение, взаимосвязь и взаимовлияние структурных детерминант политического активизма, вследствие чего постулируется, что данные явления представляют собой уникальный способ самоописания общества;

5. На основе анализа различных форм практики современного политического активизма впервые предложена точка зрения, согласно которой современные социальные движения демонстрируют все признаки уникальной

социальной системы, обладающей самореферентностью, аутопоэтичностью, коммуникативным кодом и символически генерализированным медиумом.

Теоретическая значимость исследования связана с критическим переосмыслением современного политического активизма, новых социальных движений и протестной коммуникации в целом. Результаты полученных обобщений и выводов могут дополнить уже имеющиеся разработки по данной исследовательской тематике, тем самым привнося особый вклад в понимании того, как общество реагирует на политические изменения и какие формы политической активности наиболее эффективны в конкретных обстоятельствах.

Практическая значимость определяется тем, что результаты, полученные в ходе исследования, могут использоваться в качестве концептуальной основы для оценки и прогнозирования итогов различных видов протестной активности, а также использоваться в разработке эффективных стратегий и управленческих решений по деэскалации конфликтов и противоречий, вызванных социальными проблемами. Наряду с этим материалы по результатам данного исследования могут быть использованы при разработке учебно-методических материалов для студентов учреждений высшего профессионального образования в рамках соответствующих спецкурсов, ориентированных на будущих специалистов в области социальной философии, социологии и политологии.

В качестве **методологической основы исследования** используется системно-коммуникативный подход, который был разработан в рамках общей теории социальных систем. Данный подход активно применяется в анализе функциональных систем, систем организаций и интеракций, и именно поэтому в заявленном диссертационном исследовании он является ключевым.

Вместе с тем также важно отметить, что при изучении теоретико-методологических основ теории Н Лумана, а также при рассмотрении прикладной значимости и эвристического потенциала системно-коммуникативного подхода мы задействовали методы концептуального и

компаративистского анализа. Исследуя детерминанты современного политического активизма, автор, помимо уже заявленного системно-коммуникативного подхода, использует методологические ресурсы, которые содержит субстанциально-деятельностный подход. В процессе же исследования политического активизма в условиях современного, «информационного» общества мы использовали метод структурно-функционального анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эвристические и прикладные возможности системно-коммуникативного подхода обнаруживают себя в особом языке специальных понятий общей социологической теории Н. Лумана, которые позволяют идентифицировать, описывать и сравнивать разрозненные социальные величины, что, в свою очередь, существенно помогает развивать междисциплинарный вектор современной социально-философской мысли;

2. Всё возрастающая роль новых социальных движений опирается на дискурс самовиктимизации отдельных социальных групп, идентифицирующих себя в качестве жертвы властных решений в прошлом или настоящем. Именно самовиктимизация может считаться оптикой самонаблюдения протестной коммуникации;

3. Роль СМИ и социальных медиа в деле организации массовой протестной активности следует оценивать достаточно критически, так как данные инструменты, которые могут использоваться для трансляции, описания и презентации тех или иных протестных тем, могут служить также способом упреждения и профилактики активности протестной коммуникации;

4. Развивая вышеизложенные положения, делается вывод, что в рамках политической системы общественное мнение является коммуникативным инструментом для принятия общеобязательных решений, а не суммой индивидуальных воззрений, демонстрируя таким образом мифологическую нагруженность таких понятий, как «демократия», «выборы» и «народная воля»;

5. С опорой на системно-коммуникативный подход при исследовании новых социальных движений становится возможным идентифицировать их как самостоятельную социальную систему, соразмерную другим, «традиционным» гранд-системам.

6. Новые социальные движения как отдифференцированная (Ausdifferenzierung) социальная система обладает своим, уникальным символически генерализированным медиумом, а также бинарным кодом, обеспечивающим её самовоспроизводство и самореференцию.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов достигается автором за счёт ясности и обоснованности методологической базы исследования, которая позволяет привлекать обширный историко-философский материал, а также наиболее влиятельные современные социально-политические теории и концепции для верификации основной гипотезы исследования и положений, вынесенных на защиту.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Структура диссертации включает введение, три главы (в сумме содержат семь параграфов, двадцать четыре подпараграфа), краткий вывод для каждой из глав, заключение, список используемой литературы. Общий объём работы — 148 страниц.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** представлено обоснование актуальности темы исследования, описан уровень изученности проблемы, представлен методологический инструментарий, используемый в данной работе, определены объект, предмет, цели и задачи исследования, выделена ключевая рабочая гипотеза, а также обозначены положения, подлежащие защите, объявлена теоретическая и практическая значимость исследования наряду с научной новизной.

Первая глава была традиционно отведена теоретическим и методологическим основам концептуального аппарата, с опорой на который проводилось само исследование. Был проанализирован феномен коммуникации и обосновано качественное своеобразие понятия коммуникации с точки зрения системной теории Н. Лумана как «социального атома», лежащего в основе всех социальных процессов. Сравнивая различные подходы в понимании коммуникации, нам удалось эксплицировать логику системной теории немецкого ученого и её концептуальную ориентацию в целом. Акцентируя особое внимание на том, что Н. Луман создаёт своеобразный понятийный аппарат в рамках своей социальной теории, мы постарались уделить внимание взаимосвязи и взаимовлиянию её ключевых терминологических/концептуальных единиц, применяя которые предстоит проводить дальнейшую исследовательскую разработку заявленной темы. Такие понятия как система, окружающий мир, аутопоэзис, бинарный код, медиум, смысл, форма, комплексность были выбраны нами неслучайно. Именно в смысловом поле данных понятий возникает возможность наиболее отчётливо рассуждать о системности тех или иных форм коммуникаций, особенно если тема касается социальных движений и политического активизма, несмотря на то, что заявленный список концептуальных единиц, безусловно, не является исчерпывающим.

Наряду с этим, во **втором параграфе** данной главы мы поставили вопрос о прикладных и эвристических аспектах используемой методологии. Несмотря на частые упрёки трудов Н. Лумана в чрезмерной абстракции и бытующее мнение о неприменимости его идей в деле прикладных социологических исследований, было установлено, что системно-коммуникативный подход обладает целым рядом преимуществ в качестве основы для изучения актуальных проблем современного общества. Эти преимущества обусловлены тем, что само устройство теории, а также своеобразие взаимосвязей её категорий и понятий, способно ухватывать «неадекватные социальные величины», предлагая объяснения для сложных социальных явлений, зачастую обусловленных хаотичностью, нестабильностью, полиморфизмом и эмерджентностью; подобный факт, безусловно, свидетельствует о мощном потенциале системно-коммуникативной методологии в развитии междисциплинарности социологии как науки. Вместе с тем, как мы смогли показать, данный подход не лишён недостатков, а именно, таких как наличествующий имплицитно децизионизм, депроблематизации влияния региональности на общественные отношения и депроблематизации общения между отдельными индивидуумами, представленными лишь в качестве психических систем, а также дискуссионности некоторых положений, например, концепции аутопозиса.

В соответствии с логикой развертывания обоснования рабочей гипотезы во **второй главе** мы сумели обозначить ключевые детерминанты политического активизма, которые входят друг с другом в циркулярную взаимосвязь, образуя объёмную коммуникативную сферу, в пространстве которой политический активизм способен к самореализации и развитию. Так, в рамках **первого параграфа** с опорой на системно-коммуникативный подход мы изучили проблемы взаимосвязи протеста и массмедиа (и, в частности, социальных медиа). Мы прояснили, что политический активизм тяготеет именно к протестным формам собственной репрезентации, нередко реализуя

себя благодаря коллективным действиям новых социальных движений, тем самым, сконцентрировав свое внимание именно на данных формах общественного участия. Подобный факт качественно отличает протестный активизм от традиционных форм политического участия, таких как выборы, лоббирования, баллотирования на политические посты, и т.д. Показано, что протест, как коммуникация «общества против общества» является способом его (общества) самоописания и на сегодняшний день активно эксплуатирует дискурс самовиктимизации участников протестной активности. Вместе с тем, в процессе исследования мы постарались обосновать то мнение, что социальные медиа (и медиа в целом) объективно не могут считаться влиятельным инструментом в деле протестной мобилизации масс. Во-первых, социальные медиа предоставляют возможность выразить собственное недовольство анонимно, что как бы может снизить желание «выходить на улицу», довлеет «слактивизм», «диванный активизм» и «кликтивизм»; во-вторых, массмедиа/социальные медиа не предлагают способы решения тех проблем, которые они транслируют, обеспечивая только телегеничность протеста; в-третьих, сами социальные медиа могут служить в том числе и инструментом профилактики протестных умонастроений.

Последовательно исследуя детерминанты политического активизма, во **втором параграфе** данной главы мы затронули тему общественного мнения и публичного пространства с точки зрения системно-коммуникативного подхода. Общественное мнение рассматривается как проявление публичности в системе политики и вместе с тем, как «чистый артефакт прессы». Мы сумели показать, что массмедиа может оформлять общественное мнение, но не манипулировать им, особенно если учесть тот факт, что не только новость ищет своего читателя, но и сам читатель ищет свою новость. Массмедиа, будучи самореферентной и самозамкнутой системой, как бы вынуждена сама приспособливаться к тому «общественному мнению», которое она сама себе «представляет» тем или иным образом. В результате мы пришли к заключению, что общественное мнение не

сводится к сумме индивидуальных мнений и что общественное мнение обеспечивает аутичность политической системы (последняя смотрит на себя через общественное мнение). Таким образом, возникает осознание мифологической нагруженности таких понятий как «демократия», «выборы» и «народная воля».

В рамках **третьего параграфа** мы исследовали феномен риска. И с целью сделать его более отчётливым с позиций системно-коммуникативного подхода, мы использовали компаративный анализ его характеристик, сравнивая позиции У. Бека и Н. Лумана по данному вопросу. Как и протест, представления о рисках являются способом самоописания общества и демонстрируют себя как значимый ориентир в деле новых социальных движений. Исследование риска позволило нам ухватить особый дуализм, а именно, что наличие риска (и опасности, как его противоположности) сегментирует общество на два лагеря: на тех, кто принимает решения, и тех, кто может стать жертвой подобных решений. Подобный факт становится причиной для использования самовиктимизации в дискурсе новых социальных движений.

В **третьей главе**, с опорой на результаты, полученные в предыдущих частях исследования, нами была обоснована рабочая гипотеза, согласно которой новые социальные движения могут быть идентифицированы как уникальная социальная система, обладающая собственным бинарным кодом (защищенный/ пораженный) и символически генерализированным медиумом (привилегированность). В **первом параграфе**, последовательно демонстрируя различные трактовки социальных движений, мы ставим вопрос о причинах участия граждан в них, а также об их динамике и влиянии. Постулируется утверждение, что аккумуляция критических наблюдений конвертируется в формы протестного активизма, при этом возникающий на данной основе алармизм запускает аутопоэзис протеста. С оглядкой на подобные положения и представленный эмпирический материал мы пришли к выводу, что новые

социальные движения способны демонстрировать свою самостоятельность, уникальность, аутопоэтичность и самореференцию.

Во **втором параграфе** данной главы мы изучили цифровой активизм, который является одной из современных форм политического активизма, а также исследовали феномен тактических медиа. Использование последними художественных средств, а также широкие возможности цифровых инструментов, которые могут предоставить интернет-площадки, позволяет активистам внутри сети качественно усовершенствовать практики социальных движений, доставляя и транслируя собственные темы, во-первых, наиболее таргетированнее, и во-вторых, наиболее быстрее и шире по степени охвата.

В **Заключении** кратко представляются основные результаты, полученные в ходе диссертационного исследования.

III. Список публикаций по теме диссертации

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

I. Публикация в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах WebofScience, Scopus, RSCI:

1. Сапан И.Е. Протест и масс-медиа как разновидности коммуникации: проблема смысловой взаимосвязи // Человек. 2023. Т. 34. №1. С. 99-111 (*Scopus, RSCI*; CiteScore – 0,1, SJR – 0,106, импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,372/0,583).

II. Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

2. Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 2. С. 103-111 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,367/0,455).

3. Сапан И.Е. К вопросу об эвристическом потенциале системно-коммуникативной теории Н. Лумана // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 1. С. 88-102 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,296/0,242).

4. Сапан И.Е. Риск как структурный элемент современного общества в свете концепций Н. Лумана и У. Бека: социально-философский анализ// Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 75-93 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,296/0,242).